

Магометъ уже курилъ.

Онъ лежалъ на спинѣ съ согнутыми въ колѣняхъ ногами.

Глаза его были полуоткрыты, и въ нихъ отражалось блаженство достиженія, торжества и нѣги.

— «Докторъ, расскажите о женщинахъ», — сказалъ, затаившись, Дитмаръ.

— «О хорошихъ, милыхъ, честныхъ европейскихъ женщинахъ, — добавилъ онъ, — я ихъ такъ давно не видѣлъ»!..

Я зажегъ спичку и со страннымъ трепетомъ приблизилъ огонь къ сигареткѣ.

Показался легкій голубоватый дымокъ и тонкой струйкой поплылъ къ небу.

На площадкѣ крыши на мигъ воцарилось молчаніе. Вѣтеръ стихъ, и голубоватое облако обволакивало насъ, скрывая лица.

Тонкій, пряный, смолистый ароматъ носился въ воздухѣ.

До ушей моихъ донесся тихій, нѣжный, странно нѣжный голосъ доктора.

— Говорить о женщинахъ теперь не стоитъ, милый. Онѣ идутъ къ намъ въ облакахъ этого ядовитого дыма тонкія и прекрасныя и, если помнить ихъ будемъ, расскажемъ другъ другу завтра...

Магометъ вздохнулъ.

Онъ дышалъ тяжело и повидимому уже погрузился въ міръ грезъ и видѣній.

Миѣ начинало казаться это скучнымъ.

Повидимому гашишъ дѣйствуетъ не на всѣхъ.

Моя сигаретка подходила къ концу, и я сбросилъ длинный синеватый пепелъ.

Новыя кольца новой папиросы устремились въ высь.

Я смотрѣлъ на небо и ни о чемъ не думалъ. Въ потемнѣвшей лазури слабо мерцали звѣзды.

Онѣ казались такими далекими и блѣдными. Должно быть всходила луна. Голова слегка кружилась, и мысли безсознательно уносились вдаль.

Проносились въ безпредѣльности пространства, воскресали родныя, забытыя картины.

Выплывали ушедшія, далекія, любимыя лица. Почему я опять одинъ среди чужихъ, одинокій, бродяга.

Да я искалъ забвенья... Моя новая родина — пустыня, мой родной городъ — Каиръ, мой единственный другъ — блѣдный, изуродованный, засыпанный песками, старый, старый, одинокій сфинксъ.

Изъ синяго облака дыма вдругъ сверкнули черные глаза и засмѣялись бѣлые зубы.

А это та египтянка, которая улыбнулась мнѣ сегодня въ брачной процессіи...

Красавица съ рѣсницами длинными, какъ складки вѣера, черными, какъ крылья ночи. Она растаяла въ облакахъ, но я уже иду за ней неслышный и свободный.

Поступь моя легка, я совсѣмъ не чувствую ногъ, замираетъ сердце.

Прозрачное, голубое, сладкое облако несетъ меня надъ пустыней.

Тихо и нѣжно поетъ намъ вслѣдъ, звеня струнами тысячи арфъ, вѣтеръ пустыни.

Какая странная, пьянящая музыка. Я лечу надъ непредѣльнымъ желтымъ ковромъ песковъ, и ничто, ничто не тяготитъ меня.

Нѣтъ тѣла, нѣтъ мыслей, нѣтъ заботы.

Прозрачная, крылатая радость, тихо и нѣжно баюкая, рассказываетъ прекрасную сказку изъ тысячи и одной ночи.

Я лечу обвитый красными ароматными прозрачными цвѣтами.

Они охватываютъ меня гирляндами, пьянятъ своимъ запахомъ, шепчутъ мнѣ о чемъ-то нѣжномъ и прекрасномъ.

И вдругъ, словно молнія, пронизываетъ мой мозгъ. Что это? Вотъ оно безумное ощущеніе вѣчности, реальное ощущеніе безконечности бытія. Откуда это?

Огненнымъ вихремъ проносится въ сознаніи.

Чувствую вѣчность.

Жгучимъ потокомъ мчатся передо мной милліоны лѣтъ.

Безконечная цѣпь мірозданій туманно страшныхъ въ своемъ величіи.

Я падаю ницъ передъ моремъ безконечности, которую я вижу, чувствую и осязаю.

Я, пережившій милліоны лѣтъ, живу и буду жить вѣчно.

Сверкающимъ водопадомъ мчится рѣка безконечности.

Боже... какое счастье, какое безумное непередаваемое блаженство...

Снова несутся тихіе звуки странной музыки...

Бѣлый прозрачный туманъ окутываетъ все передъ глазами; я уже не чувствую вѣчности, но легкія волны ээира снова вливаютъ мнѣ въ грудь воздухъ счастья.

Бѣлые нѣжные цвѣты звенятъ въ свои колокольчики, киваютъ мнѣ головками, и вокругъ меня бѣлый звонъ.

Звонъ хрустально-чистый и ясный.

И въ бѣломъ покрывалѣ ээира чей-то поющій голосъ зоветъ къ себѣ.

И сверкаетъ бѣлое, какъ мраморъ, манящее тѣло. Я простираю къ ней руки... Я люблю ее. Не лаская отдаюсь, не цѣлуя ласкаю, не касаясь принадлежу.

Исчезаетъ нѣжный призракъ, шелеститъ легкій вѣтеръ и доноситъ благоуханіе кадильницъ.

Гдѣ-то высоко вздымаетъ волны фиміама невидимой рукой тайный жрецъ бытія, и отъ ароматныхъ волнъ кружится голова, трепетно бьется и замираетъ сердце.

О, блаженство счастья истиннаго и единаго. О, блаженство души, радость всѣхъ чувствъ, опьяненіе блаженствомъ всѣхъ органовъ тѣла. Музыка колокольчиковъ стихла, и тихіе звуки тимпановъ сплетаются въ ритмическомъ танцѣ.

Женщины, прекрасныя, какъ сновидѣнья кру-
жятся гдѣ-то далеко, далеко, какъ бы въ моемъ
воображеніи и такъ близко, что можно коснуться
ихъ сверкающей наготы...

Яркій лучъ вонзается съ неба, проникаетъ
черезъ мозгъ до сердца.

— «Алла»! — звенить небо.

Ааааа! звенять десятки, сотни, тысячи голосовъ,
и мой мозгъ не выдерживаетъ этого ужаса кри-
чащихъ звуковъ.

Ааааа... Ааа! Острая игла вонзилась въ
сердце...

Я лежалъ на площадкѣ безумный, съ искажен-
нымъ отъ страха лицомъ.

Что это было? Неужели сонъ?

О этотъ ужасъ, этотъ мучительный угаръ про-
бужденія.

Докторъ спалъ и тихо стоналъ во снѣ.

Дитмара не было.

Въ розовой дымкѣ тумана, позлащенной утрен-
ними лучами солнца, съ минаретовъ неслись и
таяли молитвенные призывы муэдзиновъ.

И Магометъ, склонившись въ углу съ страдаль-
ческимъ лицомъ, жадно взывая къ Богу, тянулъ
свое монотонное, молящее Аллаа!

Болѣло тѣло, стучало и плакало сердце, кружи-
лась голова, и пугала жизнь съ ея грубой яркостью
ощущеній.

И вглядываясь тоскующими глазами въ алѣющія
подъ лаской солнца крыши, прислушиваясь къ

шуму телѣжекъ и крику ословъ и погонщиковъ,
я былъ готовъ рыдать безутѣшно и жалобно.

Такъ это былъ сонъ!

И темная завѣса пеленой отчаянія окутывала
мысли.

НА КРАЮ ПУСТЫНИ.

Пурпуровые лучи солнца золотятъ пески пустыни.

Далеко позади осталась маленькая станція Бедрашенъ, промелькнула арабская деревушка.

Я сижу на камнѣ среди маленькой пальмовой рощицы, ласково сверкающей своей зеленой листвою.

Вокругъ царить грустное, нѣжное молчаніе. Здѣсь, среди тихихъ развалинъ великаго Мемфиса, колыбели египетской культуры, мѣсто отдыха великаго сына Горуса, колосса Рамзеса II.

Здѣсь, въ полуразрушенной оградѣ, лежитъ титанъ съ лицомъ бога солнца.

Лежитъ въ униженіи, одинокій въ лѣсу, безъ почетной охраны и ухода, но божественный и гордый въ своемъ одиночествѣ.

И только разъ въ году наступаетъ для него великій праздникъ счастья среди безконечной печали одиночества.

Каждую осень къ ногамъ его подкатывается

старый Нилъ, разливаясь въ своемъ грозномъ величїи.

И когда жрецы всѣхъ религій служатъ молебны своему божеству, вознося благодарственные молитвы за разливъ Нила, — необъятный и гордый, онъ устремляется въ столицу древняго Египта, — Мемфисъ.

И только разъ въ году происходитъ эта встрѣча.

И кажется, что старыя волны рѣки разливаются только для того, чтобы добѣжать до убѣжища Рамзеса Великаго. Добѣжать, чтобы похитать титана изъ ненавистнаго плѣна, унести и схоронить эту тайну прошлаго на днѣ старой рѣки.

Но каменная ограда держать и не пускаетъ колосса. Нѣжно цѣлуютъ священныя воды ступни великаго бога, ласкаютъ его благородное чело и тихо шепчутъ о быломъ;

«Великій царь-царей, одинъ, побѣдившій 100,000 враговъ, рожденный отъ солнца, царь города солнца, великій Совранъ, могучій Ра, непобѣдимый Рамзесъ Міамонъ.

Ты, пронесшій въ жертву солнцу 30,000 быковъ, сынъ бога Аммона, рожденный отъ его тѣла, — ты лежишь въ прахѣ тысячелѣтій, и не могутъ люди взять тебя отсюда, потому что ты не хочешь.

Здѣсь ты нашъ царь-царей, священный титанъ».

И доволенъ великій, и кажется ему, что воскресають образы прошлаго и нѣтъ четырехъ тысячъ лѣтъ на его груди, нѣтъ позора забвенія и одиночества.

И слышитъ онъ звуки трубъ, побѣдно звучащихъ съ колесницъ, и видитъ себя гордымъ триумфаторомъ, молніеноснымъ вождемъ, сыномъ бога солнца.

Ласково и нѣжно шепчетъ великій Нилъ сказки былого, и кажется—тысячелѣтія всплываютъ на поверхности его водъ и старые, старые о дорогіе прекрасные образы плачутъ о прошломъ, о гордой славѣ минувшихъ дней.

Настанетъ время, когда Нилъ войдетъ въ свои берега, осчастлививъ феллаха хорошими всходами.

И снова одинокимъ останется лежать въ лѣсу сынъ бога солнца.

Придутъ люди и съ холодно-любопытными лицами будутъ поирать благородное тѣло царя-царей, лежащаго во прахѣ, и снова настанетъ пора одиночества и униженій.

И заснетъ великій, чтобы ничего не видѣть, чтобы проснуться черезъ годъ отъ страстнаго призыва Нила, чтобы начать грезить снова о волшебныхъ дняхъ похороненнаго въ могилѣ проплаго.....

Сердитое царпанье ослика прерываетъ мои мечтанія.

Солнце уже переходитъ полдень.

Яркое и знойное, истинный царь боговъ Египта, оно шлетъ свои огненные стрѣлы, раскаляя песокъ.

Пора въ путь.

Прости сынъ великаго Горуса, что я нарушилъ спящее вокругъ тебя молчаніе.

И пусть снятся тебѣ сны царственныхъ побѣдъ!

Осликъ проворно прыгаетъ черезъ камни и уноситъ меня далеко отъ кладбища великаго города къ знойнымъ пескамъ пустыни Гизе.

II.

Мы ѣдемъ тихо. Раскаленный песокъ слѣпить глаза.

Кругомъ, куда только видитъ глазъ, — песокъ и песокъ.

Мы въѣжаемъ въ «саккару», жилище демона смерти.

Ѣдемъ долго, долго, безъ отдыха.

Кровавое солнце медленно спускается въ море желтаго песка.

Далеко на горизонтѣ въ прозрачномъ воздухѣ пустыни поднимаются сѣрыя вершины пирамиды.

Темнѣетъ вершина Хеопса, ограбленная завоевателями и арабами, и только на коронѣ Хефрена остался сверкающій тысячелѣтній мраморъ древности.

Глубоко уходятъ въ песокъ низкія шапки другихъ пирамидъ.

Тишина вѣчности—не нарушаемая ни единымъ дыханіемъ.

И рождаются далекія, прекрасныя мысли, вѣчныя, какъ сны пустыни, туманно неясныя, тихія.